

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/78/11

Селияровская волость на Средней Оби в этно-пространственном измерении (XVII–XX вв.)

Сергей Викторович Туров

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, svtur57@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена этническая составляющая процесса заселения сельской местности Среднего Приобья в XVII–XX вв. на примере Селияровской волости. Изучена история продвижения в данный регион пришлого населения. Уделено внимание процессам ассимиляции коренных жителей и этнической конвергенции. Пространственный метод позволил проследить эволюцию локализации поселений в связи с изменениями в природной среде и замещением охотничье-рыболовного хозяйства агропромышленным.

Ключевые слова: Среднее Приобье, этническая история, обские угры, коми, русские, локализация поселений

Благодарности: Выявление источников по исследовательской теме в центральных архивах и библиотеках (РГАДА, РНБ) выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-720018 «Интеллектуальный капитал как драйвер ускоренного развития Тюменского региона: от аграрно-сырьевой к постиндустриальной модели развития» (рук. А.Н. Сорокин). Выявление источников в региональных архивах (ГБУТО ГА в г. Тобольске, ГА ХМАО (Югры), АОО г. Сургута) выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (рук. М. Бассин).

Для цитирования: Туров С.В. Селияровская волость на Средней Оби в этно-пространственном измерении (XVII–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 83–91. doi: 10.17223/19988613/78/11

Original article

Seliyarovskaya volost on the Middle Ob in the ethno-spatial dimension (XVII–XX centuries)

Sergei V. Turov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, svtur57@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to reconstruct the history of settlement in rural areas of the Middle Ob region in the XVII – XX century in the ethnic aspect using the example of Seliyarovo village and its' district. In this regard, the ethnic composition and the place of newcomers' migration has been studied. The attention was paid to the processes of ethno-cultural interaction of the newcomer and the indigenous population. There was an attempt to link changes in the ethnic component of the population and changes in the localization over a distance (landscape).

An important source in the study of ethnic history were the published and unpublished records of local state institutions of the XVII – XX centuries, and the metric books of the Seliyarovskoi Uspensky Church as well. The ethnic population composition at the end of the XX century was studied in the author's field research. Cartographic materials of the XIX – XX century were involved in the study of the settlements' localization.

Close to the Russian colonization of Northwestern Siberia, the area that later became part of the Seliyarovsky volost was a part of the so-called Belogorsky han which was a kind of confederation consisted of small Ostyak hans. The Seliyar han was ruled from the Seliyar town by knyaz Atir, and then by his son, Nekoma. After the founding of the Surgut prison (1594), Seliyarovskaya volost, among other Ostyak "towns and volosts", became a part of the Surgut district.

The first newcomers to the Seliyarovsky volost were the coachmen of the Samarovsky post coach station, who founded a number of settlements here at the end of the XVII century. As time went on, Seliyarovo village turned into a significant economic center of the Middle Ob region. A large area, which included both Russian villages and foreign yurts, came towards it. This became possible because of several waves of migrations: from the Russian North (XVII – XVIII centuries), intra-Siberian migrations (XIX - first third of XX centuries) and forced relocations (dispossession, evacuation, deportation). The indigenous population of the region was mostly assimilated and incorporated by migrants. The ethno-cultural interaction of the newcomers and the indigenous population was facilitated by the fact that most of the migrants from the Russian North were Russian-speaking representatives of the Finno-Ugric peoples (Komi-Zyryans, Komi-Permians, Veps). Also, these migrants considered themselves as Russians in the second or third generation. Russians in

the XIX – XX centuries were the ethnic majority of the rural population of the Middle Ob region. The Russians introduced a productive economy and a sedentism as a result. The spatial localization of settlements inherited from taiga fishermen and hunters wasn't fit for the needs of the fishing and producing economy anymore. As a result, settlements were moved to other places or even abolished.

Keywords: Middle Ob region, ethnic history, Ob Uygains, Komi, Russians, localization of settlements

Acknowledgements: Identification of sources on the research topic in the central archives and libraries (RGADA, RNB) was carried out with the support of the RFBR grant, project No. 20-49-720018 “Intellectual capital as a driver of accelerated development of the Tyumen region: from the primary to the post-industrial development model” (exec. A.N. Sorokin). Identification of sources in regional archives (GBUTO GA in Tobolsk, GA of KHAMAO (Yugra), AOA, Surgut city) was carried out with the support of a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 “Man in the changing space of the Urals and Siberia” (exec. M. Bassin).

For citation: Turov, S.V. (2022) Seliyarovskaya volost on the Middle Ob in the ethno-spatial dimension (XVII–XX centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 83–91. doi: 10.17223/19988613/78/11

Накануне русской колонизации Северо-Западной Сибири в местности, впоследствии вошедшей в состав Селияровской волости, обитали ханты, управлявшиеся из городка Салынра (Селияровский городок) князем Атырем, а затем его сыном Некомой. Селияровское княжество входило в союз княжеств (конфедерацию), возглавляемый «большим князем» Самаром и получивший в русских источниках название Белогорского княжества [1. С. 145].

Позднее Селияровская остяцкая волость в числе прочих остяцких «городков и волостей» вошла в Сургутский уезд с момента его основания, в конце XVI в. К этой волости принадлежали остяки, кочевавшие в районе р. Лямин [2. С. 86]. Известно, что в 1710 г. в Селияровской волости ясак взяли с 7 человек [3. Л. 11 об.]. Родовой тамгой селияровских остяков было изображение лисицы. К 1764 г. «людей лисицы» было 35 душ мужского пола [4. С. 148, 150]. В первой половине XVIII в. в состав «Селиарской» волости входили юрты Чигамкины, Тукаскины, Сакалевы, Балины с общим количеством юрт – 13. Остяки Селияровской волости были объединены не только в административном отношении. В 1740 г. Г.Ф. Миллер писал, что язык селияровцев «несколько отличается» от языка соседей [5. С. 217–218].

Первыми русскими насельниками Селияровской волости стали ямщики, относившиеся к Самаровскому яму, основанному в 1632 г. [6. С. 67]. Заселение ямщиками участка Средней Оби от Самаровского яма до Селияровской волости Сургутского уезда произошло не ранее конца XVII в. Во всяком случае, еще в 1696 г. ясачные остяки Селиарской и смежных «инородческих волостей» продолжали нести подводную повинность (Самарово–Нарым), возложенную на них еще в конце XVI в., и в соответствующей челобитной просили «...в Сургуте и меж Сургута построить ямы» [7. С. 62–63].

Г.Ф. Миллер в 1740 г. насчитал в «Селиарском» (Успенском) погосте 4 ямщицких двора и отметил, что погост «прежде» назывался д. Горшковой, а это свидетельствует о том, что священно-церковнослужителей Успенской церкви подселили к ямщикам [5. С. 217]. Церковь Успения Пресвятой Богородицы была построена между 1716 и 1721 гг., непосредственно после миссионерских экспедиций Филофея Лещинского в Сургутский уезд в 1716 и 1718 гг. [8. С. 251]. Таким образом,

д. Горшкова и другие поселения самаровских ямщиков на Средней Оби были основаны между 1696 и 1721 гг.

Между Самарово и Сургутом в середине XVIII в. располагались деревни: Скрипунова (Топоркова, 3 двора); Зинкова (Зиновьева, 2 двора); Милянова (Зуева, 2 двора); Сумкина (1 двор); Конова (Соскина, 4 двора); Спиридонова (4 двора), – все эти деревни, как и Селияровский погост, относились к Самаровскому яму и были заселены ямщиками. За Селиярово, вверх по Оби до Сургута, стояла только одна русская деревня Панкина, в которой жили «сургутские казаки и разночинцы», но к 1740 г. и эта деревня находилась на грани исчезновения [5. С. 215–218]. Напротив, большинство названных выше деревень, основанных самаровскими ямщиками, в дальнейшем укоренились, а Зенково существует по сей день. К 1805 г. между Сургутом и Селиярово стояли три небольших русских деревеньки: Пилогинская (Пимогинская), Тундринская (Майорская) и Кунинская (Кушниковая). К середине XIX в. сложилось крупное русское село Юганское (74 человека) [1. С. 261; 9. С. 55].

Крупным по северным меркам было и с. Селиярово. К началу 1780-х гг. здесь было 13 дворов. В волости числилось 4 поселения аборигенов – юрты Тугасковы (3 двора), Чигамкины (3), Балины (5), Еголдаевы (3) [10. С. 302]. Все «инородческое» население Селияровской волости составляло 53 души мужского пола, а к концу XVIII в. (1795) – 45 душ. К середине XIX в. инородческое население волости не выросло, здесь насчитывалось 44 души мужского пола [4. С. 150]. Селияровская волость простиралась «на пространстве 100 верст по реке Оби на протоках Бастоминной и Марниной и сопредельна Самаровской волости Тобольского уезда, Кодским городкам, Пимской и Салымской волостям Березовского округа» [11. Приложение, табл. № 12].

Селиярово в XIX – начале XX в. являлось экономическим центром округа. Дело в том, что раз в год, на Крещение, на Николин или Петров день приобские инородцы собирались для принесения ясака в волостные центры. На это время там возникали небольшие торжки. Торжок в с. Селиярово приходился на день Петра и Павла и, по замечаниям наблюдателей, пользовался особой популярностью у остяков Средней Оби. Сюда стекались инородцы из Селияровской и смежных

волостей, «живущие по Оби и Салыму». Уже в середине XIX в. за местным торжком утвердилось название «Селияровская ярмарка» [9. С. 49]. «Наибольшей популярностью пользуется торжок в селе Селиярске, имеющий место... в Петров день. В годы, обильные дичью и рыбой, здесь бывает такое стечение народа со всех окрестностей, что его нередко даже прямо называют “Селиярской ярмаркой”... Церковь в это время всегда бывает полна народом, и восковые свечи в изобилии теплятся перед иконой особенно чтимого остояками святителя Николая Чудотворца, которого они молят о даровании им хорошего лова... Водка, которая в такие пункты доставляется в большом изобилии, несмотря на все запрещения, льется по случаю празднества рекою. В эти же дни совершаются всевозможные сделки с торгующими крестьянами и забираются вперед мука, соль и другие припасы под обеспечение будущего улова» [12. С. 45]. Водку, кстати, в Селиярово можно было приобрести не только во время ярмарки. Уже в середине XIX в. в селе действовали питейные заведения на постоянной основе [9. С. 49]. К концу XIX в. только сбор с этих заведений в пользу сельского общества составлял 80 руб. [13. С. 270].

В 1880 г. в Селияровской волости числилось 87 инородцев (38 мужчин и 49 женщин) [11. Приложение, табл. № 13]. К 1893 г. на территории Селияровской инородческой волости проживал 71 инородец (34 мужчины и 37 женщин). Инородческое население волости управлялось из инородческой управы, находившейся в с. Селияровском и состоявшей из «старшины» и писаря. В числе инородческих старшин Селияровской волости в XVII–XIX вв. упоминаются Некома (Никкома, Икома) Атырев, Моголохко Яногин, Аушкар Моголаков (Аушкар Моголов), Кикчел Кунтыков, Камакай Севрин, Лурыл Пойманов (XVI в.), Иван Милясов, Андрей Лукин (XVIII–XIX вв.) [4. С. 182; 14. С. 147, 153, 193]. Всех ямщиков, относившихся к Самаровскому яму, в 1824 г. перевели в разряд государственных крестьян [1. С. 262]. Русские жители с. Селиярово составляли в конце XIX – начале XX в. Селияровское сельское общество, а после перевода в 1910 г. инородцев Селияровской волости в разряд оседлых они (юрты Чебуровские, Какравские, Клыковские и Алякинские) были присоединены к Селияровскому сельскому обществу с полным уравниванием в правах с русскими крестьянами [15. С. 146, 209.].

Село Селияровское по-прежнему являлось важным транзитным пунктом на зимнике Тобольск–Сургут–Березов. В 1893 г. в селе стояло 25 дворов, где проживали 202 человека (104 мужчины и 98 женщин) [16. С. 20]. К началу XX в. в Селиярово числились 222 жителя (108 мужчин и 114 женщин) [17. С. 31]. К 1913 г. в Успенском селияровском приходе насчитывалось 177 дворов и 857 прихожан (440 мужчин и 417 женщин) [18. С. 172].

Итак, русское с. Селиярово начиналось с д. Горшковой, а д. Горшкова, как будет показано ниже, получила свое название от фамилии первонасельников. Жители с. Селиярово причисляют фамилию Горшковых к старожильческому. К старожильческому относятся также фамилии Фирсовы и Рязанцевы. Возможно, две

последние фамилии связаны со второй волной заселения русскими Среднего Приобья, поднявшейся в начале XIX в. Крестьяне переселялись из более южных волостей Тобольского уезда (Кугаевской, Бронниковской, Бегишевской, Абалакской, Уватской и др.). Со временем поток переселенцев только усиливался. В конце XIX в. наблюдатели замечали, что «...этим путем Денщикова, Демьянская и Самаровская волости приобретают ежегодно не менее 20–35 душ обоюбого пола, часть которых прямо причисляется в эти волости, часть сначала просто селится, чтобы причислиться уже потом, вполне обжившись» [12. С. 65]. На начало XX в. пришелся пик переселений русских в Сургутский уезд, вызванный «хорошим промыслом белки». С 1900 по 1911 г. только в смежной с Селияровской Тундринской волости была построена 91 «изба русского типа» [19. С. 100].

После революции заметным стало переселение из ближайших к Селиярову населенных пунктов. Так, Пачгановы переехали из Зенково в первой половине 20-х гг. XX в. Тогда же из Сумкино прибыли Сумкины, из Конево – Коневы, Змановские – из с. Скрипунова. В 1950-х – начале 1960-х гг. началось укрупнение колхозов, и Селиярово наряду с Зенково и Нялино стало центром укрупненного колхоза. В Селиярово перебрались многие жители деревень Бала, Алекино, Долгое Плесо, Сивохребт, Сумкино, Чебыково; здесь, кроме обозначенных выше, появляются представители фамилий Паромовых, Шехеревых, Китайкиных,

Не ослабевал после революции, особенно до коллективизации, и миграционный поток с юга региона. Так, в Алекино, по словам старожилов, в 1930–1940-е гг. жили «в основном» переселенцы «с Иртыша». В 1930–1940-е гг. д. Сивохребт, со слов старожилов, была русской, т.е. ханты уже составляли в ней меньшинство. Одним из представителей этой переселенческой волны в с. Селиярово является Е.С. Доронина (1923 г.р.). Ее ребенком привез с собой отец, переселившийся во второй половине 1920-х гг. из-под Тобольска. Еще одна волна миграций была связана с известными историческими потрясениями. Так, отец жителя с. Селиярово Э.Н. Соломатина был в начале 1930-х гг. раскулачен и выслен на Север из-под Челябинска. Р.И. Купцова в 1942 г. была эвакуирована из Ленинградской области, да так и осталась в Селиярово.

Описанным выше образом складывалась и история заселения деревень Селияровской волости. Так, первыми насельниками юрт Балинских были ханты Балины. Во всяком случае в XVII в. зафиксированы в «Юганской волости и Подгородной и волостные князец... Вычиксы Балин, Молчанко Балин...» [14. С. 183–184]. Балины отмечены в метрических книгах селияровской Успенской церкви в 1860-х гг. в юртах Балинских. Между 1861 и 1875 гг. в юртах Балинских кроме Балиных проживали еще «инородцы» Сегиткины, Иврины, Ерыновы [20]. Русские в метрических записях 1861–1875 гг. не встречаются. Между 1909 и 1919 гг. в метрические книги селияровской Успенской церкви уже не фиксируют инородцев Сегиткиных и Балиных в юртах Балинских, зато появляются носители инородческих фамилий Пухленкиных и Левиховых. Продолжают

проживать в Балинских юртах Иврины и Ерыновы. К этому же времени в Бале уже сложилась группа постоянного русского населения – «юрт Балинских крестьяне» Спиридоновы, Ильины. Ильины перебрались на Среднюю Обь из Тобольского уезда Дубровной волости д. Трушниковой [21. Л. 123, 166, 273, 321].

В документах Балинского сельского совета за 1922–1924 гг. находим фамилии некоторых тогдашних жителей д. Бала: Ильиных, Спиридоновы, Иврины, Тальничные, Чернобровцевы, Медведевы. [22. Л. 5, 31, 61 об., 64]. Документы начала 1930-х гг. донесли фамилии некоторых жителей деревни этого времени: Иванов, Быков, Конев, Собольников, Замятина, Кугиников [23. Л. 143–145]. В 1942 г. в д. Бала прибыло «7 переселенцев» [24. Л. 31]. Термин «переселенцы» наводит на мысль, что речь может идти о немцах Поволжья. Ликвидация Автономной республики немцев Поволжья состоялась 28 августа 1941 г. Депортация проходила постепенно с сентября 1941 г. по май 1942 г. в восточные районы страны, в том числе в Сибирь [25. С. 94].

Ассимиляция коренного населения началась еще в период первоначального освоения русскими территории Среднего Приобья, в XVII в. Так, в 1683 г. в Самарском яме проживал с семьей ямщик из «крещенных остяков». В 1710 г. здесь же зарегистрирован «новокрещенный оброчный бобыль остяцкой породы», также имевший семью [6. С. 83; 26. С. 173–174]. К середине XIX в. для лесных ненцев, кочевавших между р. Пимом и р. Ляминам, это закончилось тем, что часть их откочевала далее на северо-восток (сейчас они обитают в верховьях р. Аган), а остальные были полностью инкорпорированы в состав местного русского населения. М.А. Кастрен в 1845 г. в д. Топорковой (Скрипуновой) буквально выписывал «самоедов», которых местные русские не считали таковыми: «...формальные розыски старосты открыли наконец черноволосого карлика, самоедство которого, однако ж, оспаривали, и по преимуществу тем, что он носил русскую рубашку и принял русское имя. Несмотря на то... что и отец, и мать его были самоеды и самоедский язык он почитал своим родным языком». Таких самоедов М.А. Кастрен нашел в Топорковой 7 семей. Впрочем, во времена Кастрена несколько десятков ненецких семей еще кочевали в районе рек Chan-tsche-jaha, Nistjei, Лямин Сор и Верхний Назым [9. С. 49–50]. Лесные ненцы вернулись в селянскую местность в 1950-х гг., в это время в верховьях Васькиной (Сосновой) речки появилось поселение ненецкого рода Венго. В начале 2000-х гг. в этом поселении проживали 6 ненцев. Они вели традиционный образ жизни, сохраняли национальные традиции и язык [18. С. 175, 178].

Процесс ассимиляции коренного населения быстро пошел во второй половине XIX в. В это время русские начинают селиться в поселениях аборигенов, в свою очередь, в большинстве русских сельских населенных пунктов на Средней Оби постоянно жили представители коренных народов [1. С. 262]. Начинаются широкие заимствования в области материальной культуры. В середине XIX в. М.А. Кастрен описывал хантыйские юрты на Средней Оби как весьма примитивные срубные постройки: «...избы не отличаются большим

удобством. Они чрезвычайно малы, зачастую без печи, без окон, без скамеек и стола – одни стены да пол, покрытый камышовыми рогожами. Если есть окна, то стекла заменяются пузырем, а редкая печь складывается из глины с сеном или тростником. Собственно, это и не печь, а очаг в уровень с полом и шапкообразной трубой... » [9. С. 55–56]. К концу XIX – началу XX в. наблюдатели в один голос заявляли о том, что ханты Самаровской и смежных инородческих волостей «сравнительно с другими культурны... Избы здесь светлые, русского типа – с сенями, о двух и даже трех комнатах», – писал А.А. Дунин-Горкавич [27. С. 130]. Ему вторит современник: «Избы – с русскими печами, есть мебель: столы, кровати и даже стулья; есть самовары и даже водится семейный чай. Хлеб пекут как ржаной, так и крупчатый. Одеваются в русскую одежду... некоторых даже трудно отличить от русских» [1. С. 298]. В конце XIX в. на Средней Оби в пределах Самаровской волости были юрты, где аборигены говорили только по-русски и не знали хантыйского языка. «Во многих других только старое, доживающее поколение знает по-остяцки, молодежь же изъясняется только по-русски, не понимая языка своих отцов» [12. С. 40]. Широкое распространение получают межэтнические браки. Так в юртах Балинских в 1913 г. Иван Федорович Ерынов женился на Тобольского уезда Новосельской волости с. Алымского «крестьянской дочери» Евлампии Михайловне Нестеровой. В 1915 г. Анисим Андреевич Иврин сочетался законным браком с Тобольского уезда Самаровской волости с. Селянское «крестьянской дочерью» Анной Семеновной Чернобровцевой [21. Л. 172, 193, 218].

По свидетельству наблюдателей, во второй половине XIX в. на Средней Оби были семьи обрусевших хантов, вышедших из категории плательщиков ясака и вошедших в категорию государственного крестьянства. Такие семьи были и в с. Селянском [12. С. 168]. Возможно, от обрусевших в свое время хантов происходят носители фамилий Китайкины и Рязанцевы. В начале XX в. фамилию Китаевы носили практически все ханты – жители Лаппальских юрт Березовского уезда [28. С. 234]. Родовое гнездо Рязанцевых могло быть на р. Казыме. В первой половине XVIII в. ханты Резановы составляли здесь особые юрты (патронимию) [4. С. 176]. Среди старожил с. Селянское бытует убеждение, что их предки были «помесь хантов и русских». Так, потомок Горшковых по материнской линии А.М. Шехерев считает, что Горшковы имели хантыйские корни. Так же считают и другие старожилы. Одна из ветвей рода Горшковых носила семейное прозвище «Мулла». Поводом для прозвища послужил антропологический облик представителей этой ветви рода. Остается только удивляться глубине народной памяти. Горшковы действительно имели предков – обских угров. В 1683 г. в Самарском яме проживал Иван Васильев сын Горшок: «...родился де он в остяках и крестился. Живет на Самарском яму в ямщиках со 180-го (1671/1672 гг. – С.Т.). У него сын Аверчка трех лет» [29. Л. 1644]. Так что либо Иван Горшков, либо его сын Аверчка стал основателем д. Горшковой. Не исключено также, что Горшковы вернулись на родину

предков – остяков, когда-то населявших Селяровский городок. Селяровские Горшковы, конечно, не были исключением. В 1870-х гг. сургутяне произвели на С.П. Швецова «...впечатление помеси русского с остяком. Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорее медведя, чем представителя кавказской расы... Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий, некрасивый рот, узкие глаза без выражения или, пожалуй, с выражением придурковатости... Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой и ловкостью, но зато крайне выносливы, “двужилыны”... Крестьяне по внешнему виду значительно разнятся от городских мещан-казаков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лица и вся фигура дышат мощью и энергией... Черты лица так же резки, как и у горожан, если еще не резче и некрасивее» [30. С. 40–41].

Ассимиляция, а затем и инкорпорация аборигенов в состав русского населения была облегчена тем обстоятельством, что предками русских старожилов зачастую были выходцы с Русского Севера. Первые ямщики для Самаровского яма были набраны в Соли Вычегодской, Чердыни и Соли Камской. Русскими эти выходцы являлись чаще всего только «терминологически». На самом деле в их числе было много (если не большинство) русскоговорящих коми-зырян, коми-пермяков, вепсов [31. С. 98–108.]. Коми выходцы постоянно присутствовали в пределах Сургутского уезда задолго до основания Самаровского яма. В 1622 г. ясачные люди Сургутского уезда жаловались, что «...приходят де те зыряне и мезенцы и вычигженя и вымичи и сысолена и всякие прихожие люди в Сургутский уезд в их ухोजея и своим насильством ловят в их ухोजея соболи и лисицы и бобры и во всяких угодах у них вылавливают всякого зверя» [14. С. 150]. В 1624/1625 гг. в ясачной книге отмечены 78 человек промышленных людей с Выми и Сысолы, с которых в Сургутском уезде был собран оброк – 5 сороков соболей [7. С. 55]. Наверняка часть этих промысловиков в XVII в. оседала в Сургуте, а позднее в возникших сельских населенных пунктах Самаровской волости и Сургутского уезда. В 1626 г. из 216 служилых людей, учтенных в Сургуте, по меньшей мере 60 человек, судя по фамилиям, были выходцами из Коми края и Перми Великой [14. С. 197–204]. Плотное присутствие коми на Средней Оби зафиксировано даже в топонимах: одна из обских протоков близ Сургута в середине XVIII в. называлась Зырянской Обью [5. С. 62].

О наличии выраженного финно-угорского субстрата в этнической истории русского населения Среднего Приобья свидетельствует, кроме всего прочего, специфика семейно-брачных отношений. Еще наблюдатели XIX в. подметили, что в некоторых местностях Западной Сибири среди русского крестьянства часто практикуются браки между родственниками [32. С. 198–199]. Чаще всего подобные брачные традиции прослеживались у групп русского населения, генетически связанных с финно-уграми, например у алтайских каменщиков – русскоязычных коми выходцев с Русского Севера [33. С. 160–168]. Дело в том, что хотя обские угры

придерживались в брачных отношениях экзогамии, но выбор невесты диктовался дуально-фратриальной системой общественного устройства, в соответствии с которой браки возможны были только с определенной группой семей (фамилий). Таким образом, несмотря на экзогамию, браки между родственниками были неизбежны. У народа коми также еще в XIX в. прослеживались внутريدеревенская экзогамия и традиции брачевания родственников [4. С. 186; 33. С. 167–169].

Любопытны в этой связи воспоминания селяровских старожилов о том, что в каждой деревне – Коневе, Спирино, Зинково и др. – проживали «как бы кланы», т.е. представители одной фамилии, и брачевались они по преимуществу с представителями той же фамилии, а то и родственниками. Даже сегодня отдается дань этой традиции: в Селярове проживает по меньшей мере две семьи, в которых супруги находятся в двоюродном и троюродном родстве. И ничего предосудительного односельчане в этом не видят. Наверняка ранее существовали и какие-то экзогамные традиции. Возможно, свидетельством тому является обыкновение давать прозвища всем жителям деревни. В настоящее время эти прозвища носят индивидуальный характер: Пельмень, Плюшкин, Цыган. Но старожилы еще помнят, что раньше существовали прозвища, передававшиеся «по роду», т.е. закреплявшиеся за представителями отдельной ветви (семьи) той или иной фамилии (рода): Калуга (Калугины); Алексеевские, Мулла, Аниковские (Горшковы); Руль (нос) (Почгановы); Ваниковские, Филин (Фирсовы). Старожилы объясняют бытование в старину прозвищ утилитарно. Представителей одной фамилии в населенном пункте было много, кроме того, имя деда обычно переходило внуку. Отсюда возникала путаница. Во избежание путаницы якобы и возникли семейные прозвища. Понятно, что такое объяснение вряд ли является объяснением по существу и есть результат позднего переосмысления феномена.

Между тем индивидуальные, родовые и семейные (генесионимические) прозвища бытуют у коми-ижемцев в Ямало-Ненецком округе по сей день. Местные ижемцы давали объяснение данного феномена автору этих строк такое же, как селяровские старожилы: «Фамилий-то у нас не так много: Филипповы, Коневы, Рочевы, Ануфриевы, Поповы и еще несколько. Поди различи, если в одной деревне несколько Коневых Анатолиев или Иванов». Думается, однако, что при редкости населения и малочисленности населенных пунктов в старину, когда зародились прозвища (когда они зародились, неизвестно), главным их назначением было определить принадлежность к той или иной семье рода. Еще и сегодня по семейным прозвищам ижемцы находят своих родственников не только на Ямале, но и в Коми республике. Утилитарным назначением таких знаний в старину могло быть только одно – соблюдение внутривидовой экзогамии. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о существовании у коми в древности фратриальной организации.

Другим свидетельством генетической связи русских старожилов Средней Оби с коми-выходцами является упоминавшееся выше обыкновение давать внуку имя

деда. У обдорских коми-ижемцев еще в первой половине XX в. бытовала традиция, когда человека называли трехсловным именем. Например, Захар-Вась-Ефим: «Захаром звали моего деда, пропавшего без вести на войне, Василий – имя прадеда, Ефим – отца. Получалось, что, назвав себя, ты невольно помянешь своих предков».

О коми корнях русских старожилов Селиярово могут свидетельствовать некоторые особенности погребальной обрядности. На «Плане рыболовного песка на устье старицы реки Оби на Селияровской косе...» от 1855 г. отмечено кладбище, которое, судя по условным обозначениям, находилось в бору [34]. В бору находится и современное кладбище с. Селиярово. Именно у коми при выборе места для кладбища издавна предпочтение отдается борам. В Коми крае в старину в память об усопшем на могиле высаживали молодую сосну, реже – кедр. На сельских кладбищах по рекам Вымь, Ижма и Вычегда можно видеть многолетние сосны, когда-то посаженные на могилах [35. С. 266]. Такие же многолетние сосны растут на могилах предков селияровцев на местном кладбище. А судя по тому, что на многих свежих могилах поднимаются молодые сосны и кедры, традиция эта соблюдается по сей день. Наконец, фамилии некоторых селияровских русских старожилов зырянские и пермяцкие по происхождению: Пачганов, Конев, Шешуков.

Но, пожалуй, самым впечатляющим свидетельством наличия финно-угорского субстрата у русского населения Средней Оби является контаминация в области духовной культуры, причем в части сокровенного личного опыта. Так, двое старожилов с. Селиярова А.М. Шехерев и А.К. Пачганов рассказывали автору этих строк о своих встречах с неведомым и таинственным. Мифологические персонажи этих быличек очень похожи на духов-хозяев местности – «вотчинников», представление о которых широко бытует среди обских угров. Процесс складывания единого русско-угорского мифологического пантеона зафиксировал в конце XIX в. С.К. Патканов: «Суеверные крестьяне верят не меньше остяков, что так называемый “повелитель местности” (“вотчинник”, “лесной старик”) – властитель и защитник земли, в благодарность за преподнесенную жертву гарантирует им удачу в рыбной ловле» [36. С. 145].

Процесс ассимиляции аборигенного населения продолжался и в конце XX в. Так, между 1990 и 2000 гг. в Селиярово было заключено 15 браков с участием аборигенов, и только в одном случае брак был моноэтническим. Русские продолжали оставаться для коренного населения предпочтительными брачными партнерами. Кроме того, нужно учитывать, что вступающие в брак аборигены в большинстве своем происходили от смешанных с русскими браков. В Селиярово только 4 человека имели обоих родителей ханты: А.И. Спиридонова, А.Р. Иврин, П.И. Ложев, А.П. Тогочева. При этом двое последних в этом списке приезжие, и только они хорошо знали родной язык. Еще четверо частично понимали хантыйскую речь и совершенно не использовали ее в разговоре. У большинства селияровских хантов родного языка не знали уже их родители. Несмотря на описанную ситуацию, формально количе-

ство хантов постоянно увеличивалось. Дело в том, что если раньше детей от смешанных браков родители считали русскими, то теперь – хантами. Более того, внезапно хантами стали себя ощущать все, имевшие на то хоть какие-то основания. Объясняется эта смена идентичности незначительными льготами, которыми пользуется коренное население. Тем не менее русские оставались в большинстве.

На июнь 2000 г. на территории Селияровской сельской администрации (с. Селиярово, д. Долгое Плесо, поселение Венго) проживали 437 человек, из них только 59 являлись представителями коренных малочисленных народов Севера [18. С. 177–178].

Радикальные изменения в этническом составе населения региона сопровождались сменой хозяйственной структуры с промысловой на промыслово-производящую. Соответственно, прежняя локализация поселений перестала в полной мере отвечать требованиям производящего хозяйства. Примером тому может служить д. Бала, располагавшаяся в 9 км от с. Селиярово. Дело в том, что пахотные земли с точки зрения их надежности и продуктивности в Северном Зауралье делились на затопляемые и незатопляемые. В колхозе им. Ворошилова (д. Бала, бывшие юрты Балинские) вся пашня относилась к разряду затопляемой. Отсюда возникавшие время от времени проблемы с урожаем. Так в 1949 г. зерна не собрали вовсе [37. Л. 6]. Наводнения вредили животноводству в неменьшей степени, чем земледелию. Так, два подряд мощных наводнения отмечены в Обь-Иртышской системе на Севере в 1946 и 1947 гг. В результате не только была затоплена пашня, но и начались бескормица и падеж скота. В тридцати «колхозах обь-иртышской группы» только в 1946 г. пало 670 коров, 189 лошадей, 544 овцы, 151 свинья. Кроме того, из-за бескормицы был произведен массовый забой скота. В результате падежа и вынужденного забоя за два года регион потерял 3 тыс. голов скота [38. Л. 5–6]. Систематическое затопление местности, на которой располагались д. Бала и отведенные балинскому колхозу угодья, стало главной причиной ликвидации населенного пункта в 1958 г.: «...ввиду пойменной низкой местности при затоплении всех пастбищ и самой деревни Бала артели приносятся серьезный ущерб, вследствие чего артель не в силах в дальнейшем развивать свое хозяйство» [39. Л. 31]. Дрейф в ландшафте с. Селиярова также был вызван в первую очередь становлением и развитием промыслово-производящей хозяйственной структуры. «Народная этимология» связывает название села со словосочетанием «село на яру», хотя никакого отношения к русскому языку название села не имеет, оно восходит к сочетанию двух ненецких слов «сале» (мыс) и «яр» (песок, край). Подобных названий населенных пунктов и сегодня предостаточно в Ямало-Ненецком автономном округе: Салехард (мысовой городок), Ярсале (песчаный мыс), Салемал (конец мыса). Таким образом, название Салейр можно перевести с ненецкого как «песчаный мыс», или «мыс на краю песка». На «Плане рыболовного песка...» от 1855 г. обозначена «Селияровская коса» [34]. Судя по современным картам, коса существует и сегодня, но это практически ровный пе-

сок, к тому же прорезанный глубоким сором. В сравнении с картой 1855 г. коса потеряла более половины своей длины. Кроме того, в настоящее время в период разлива (май–июль) коса затопливается, т.е., по сути, косой является лишь осенью. На карте 1855 г. на косе, в месте, где река образует излучину, отчетливо просматривается мыс. Надо полагать, что на рубеже XVI–XVII вв. мыс этот был значительно выше, а коса образовывала берег, незатопляемый в половодье. Скорее всего, именно на этом мысу стоял в конце XVI–XVII вв. Селияровский городок, позднее смытый обскими водами. В пользу этого предположения говорит как топонимия – название соответствующей косы, так и традиция, по которой с. Селиярово являлось центром Селияровской волости Сургутского уезда.

За время своего существования село несколько раз меняло место расположения. В 1740 г. погост «Селиарской» стоял «...на верхнем конце острова, образованного... протокой (Люх-пан. – С.Т.) и р. Обью» [5. С. 218], т.е., если соотнести это месторасположение с предполагаемым хантыйским городком, ниже по Оби, за протокой. Здесь с. Селиярово простояло, по-видимому, до конца XVIII в. Позднее оно было перенесено на другое место. Основных причин для этого было две. Прежде всего, на старом месте село ежегодно затопливалось в разлив, кроме того, начала обсыхать протока Люх-пан. На «Плане рыболовного песка...» от 1855 г. под «старицей» разумеется именно бывшая протока Люх-пан. Здесь же обозначено «место, на котором прежде была церковь и село Селиярское». Место это, согласно плану, находилось в 550 саженях от берега Оби на старице Люх-пан (тогда она еще соединялась с Обью, во всяком случае в верховье). На современных картах эта старица хорошо прослеживается. На «Плане рыболовного песка...» от 1855 г. обозначены также с. Селиярово, местная церковь и кладбище,

т.е. к 1855 г. село сменило свое расположение в третий раз. Согласно плану, на те поры оно располагалось на верхнем конце острова, образованного протокой Синдыковой и Обью [34]. «План рыболовного песка...» от 1855 г. не позволяет определить данное местонахождение села в современном ландшафте, но этого и не требуется, поскольку старожилы хорошо знают это место, а также место расположения кладбища. Среди селян данная местность известна под названием «старая деревня», они рассказывали автору данной статьи, что еще в 1950–1960-е гг. здесь можно было обнаружить полусгнившие намогильные кресты, а могильные впадины видны и по сей день. Сама же площадка, где непосредственно располагалось поселение, со слов старожилов, на сегодняшний день смыта водами Оби.

Однако и здесь село простояло недолго. Оно по-прежнему затопливалось в половодье. М.А. Кастрен, например, отметил, что в 1845 г., во время сильного наводнения, с. Селиярово было полностью затоплено [9. С. 49]. На современное место Селиярово было перенесено, по-видимому, в 1870-х гг. Во всяком случае в начале 1870-х гг. строилась, а в 1873 г. была освящена Селияровская церковь [40. Л. 58].

Таким образом, сельское население Средней Оби, сформировавшееся в целом в XVIII – начале XX в., есть результат этнической конвергенции, в которой участвовали русские, русскоязычные финно-угры Русского Севера и аборигены. В результате подавляющая часть аборигенного населения края была ассимилирована и инкорпорирована в состав русского населения. Сопровождался этот процесс переходом от кочевой («бродячей») локализации поселений таежных охотников и рыболовов к оседлой, адаптированной к местному ландшафту в связи с нуждами агропромышленного хозяйства.

Список источников

1. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. 466 с.
2. Будицкий П.Н. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Надым и Кетск. 327 с.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 1993.
4. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
5. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 310 с.
6. Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 65–89.
7. Вершинин Е.В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь : прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 53–64.
8. Шашков А.Т. Церкви новокрещенов на Обском Севере // Угры : материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск : Тобольск-Нефтехим, 2003. С. 251–257.
9. Кастрен М.А. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2: Путешествия в Сибирь (1845–1849). 251 с.
10. Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск : Наука, 1989. С. 261–15.
11. Ядринцев Н.М. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 2: Сибирские инородцы их быт и современное положение. 274 с.
12. Патканов С.К. Сочинения : в 5 т. Тюмень : Мандр и К^а, 2003. Т. 2: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. 316 с.
13. Патканов С.К. Сочинения : в 5 т. Тюмень : Мандр и К^а, 2003. Т. 4, с. 3: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. 336 с.
14. Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 114–240.
15. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сб. правовых актов и документов / сост. А.Ю. Конев. Тюмень : Изд-во ИППО СО РАН, 1999. 237 с.
16. Волости и населенные места. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1895. Вып. 10-11: Тобольская и Енисейская губернии. 685 с.
17. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск: Губернская типография, 1904. 341 с.
18. Богордаева А.А., Повод Н.А. Село Селиярово Ханты-Мансийского района: современная этнокультурная ситуация // Космос Севера. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. Вып. 3. С. 171–185.

19. Пирожников Г. Обь-Иртышский Север. Этнографический очерк // «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север». Ханты-Мансийск–Сургут : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 90–191.
20. Государственный архив Ханты-мансийского автономного округа (ГА ХМАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
21. ГА ХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49.
22. Архивный отдел Администрации г. Сургута (АОА г. Сургута). Ф. 1. Оп. 4. Д. 22.
23. ГА ХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 46.
24. ГА ХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 628.
25. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2005. 304 с.
26. Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в. : сб. архивных источников / сост. Н.А. Балюк. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. 180 с.
27. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. М. : Либерия, 1995. Т. I: Этнографический очерк местных инородцев. 281 с.
28. Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века : (материалы для истории местных сообществ Азиатской России) / сост. С.В. Туров. Тюмень : Вектор Бук, 2004. 461 с.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261.
30. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 35–111.
31. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. 224 с.
32. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1979. 350 с.
33. Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск : Наука, 1989. 238 с.
34. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 21. Д. 1405.
35. Шарапов В.Э. Символика деревьев в погребально-поминальной обрядности коми // Экология древних и современных обществ. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 263–268.
36. Патканов С.К. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1: Остяцкая молитва. 399 с.
37. ГА ХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 843.
38. ГА ХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 236.
39. ГА ХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 888.
40. ГА ХМАО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Redin, D.A. (ed.) (2000) *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do nashikh dnei* [The history of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug from old times to the present]. Yekaterinburg: Volot.
2. Butsin'skiy, P.N. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Essays. In 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RSARA). Fund 214. List 5. File 1993.
4. Minenko, N.A. (1975) *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – the first half of the 19th century: Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka.
5. Miller, G.F. (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in G.F. Miller's travelogue]. Novosibirsk: Sib. khronograf.
6. Shashkov, A.T. (2004) *Samarovskiy yam i ego zhiteli v XVII v.* [The Samarovsk post coach station and its inhabitants in the 17th century]. In: Isaeva, T.I. (ed.) *Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Western Siberia: Past, Present, Future]. Surgut: Diorit. pp. 65–89.
7. Vershinin, E.V. (2004) *Chelobitnye aborigennogo naseleniya Surgutskogo uyezda (XVII v.)* [Petitions of the aboriginal population of the Surgut district (17th century)]. In: Isaeva, T.I. (ed.) *Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Western Siberia: Past, Present, Future]. Surgut: Diorit. pp. 53–64.
8. Shashkov, A.T. (2003) *Tserkvi novokreshchenov na Obskom Severe* [Newly Baptized Churches in the Ob North]. *Ugry* [Ugry]. Proc. of the Sixth Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Western Siberia people." Tobolsk: Tobolsk-Neftekhim LLC. pp. 251–257.
9. Kastren, M.A. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
10. Zolnikova, N.D. (1989) *Vedomost' 1781 g. o sostave prikhodov Tobol'skoy gubernii* [The list from 1781 about the parishes in Tobolsk Province]. In: Pokrovsky, N.N. (ed.) *Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda* [Christianity and Church in the Feudal Russia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 261–315.
11. Yadrintsev, N.M. (2000) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
12. Patkanov, S.K. (2003a) *Sochineniya: v 5 t.* [Works. In 5 vols]. Vol. 2. Tyumen: Mandr and K^a.
13. Patkanov, S.K. (2003b) *Sochineniya: v 5 t.* [Works. In 5 vols]. Vol. 4. Tyumen: Mandr and K^a.
14. Vershinin, E.V. & Shashkov, A.T. (2002) *Dokumenty XVII veka po istorii Surgutskogo uyezda* [Dats of the 17th century about the history of the Surgut district]. In: Vizgalov, G.P. (ed.) *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri* [Materials and research on the history of North-Western Siberia]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 114–240.
15. Konev, A.Yu. (Ed.). (1999) *Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroystvo korennykh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri (konets XVI – nachalo XX veka)* [Estate-legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (late 16th – early 20th century)]. Tyumen: SB RAS.
16. The Statistical Committee of the Ministry of the Interior. (1895) *Volosti i naselennyye mesta* [Volosts and populated areas]. Vol. 10–11. St. Petersburg: V. Bezobrazov i Komp.
17. Russia. (1904) *Spisok naselennykh mest Tobol'skoy gubernii* [List of populated places in Tobolsk Province]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
18. Bogordaeva, A.A. & Povod, N.A. (2002) *Selo Seliyarovo Khanty-Mansiyskogo rayona: sovremennaya etnokul'turnaya situatsiya* [Seliyarovo village of Khanty-Mansiysk district: the modern ethno-cultural situation]. In: Lagunova, O. (ed.) *Kosmos Severa* [Cosmos of the North]. Vol. 3. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo. pp. 171–185.
19. Pirozhnikov, G. (2002) *Ob'-Irtyskiy Sever. Etnograficheskiy ocherk* [Ob-Irtys North. An ethnographic essay]. In: Tsaregradskaya, L.V. (ed.) *Takoy dalekiy i takoy blizkiy Ob'-Irtyskiy Sever* [Such a distant and such a close Ob-Irtys North]. Khanty-Mansiysk; Surgut: Sev.-Sib. region. kn. izd-vo. pp. 90–191.
20. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 1. List 1. File 4.
21. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 1. List 1. File 49.
22. The Archive Department of Surgut City Administration (Surgut AOA). Fund 1. List 4. File 22.
23. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 16. List 1. File 46.
24. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 43. List 1. File 628.
25. Zemskov, V.N. (2005) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka.
26. Balyuk, N.A. (ed.) (2001) *Zemledel'cheskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII – nach. XVIII v.* [Agricultural Economy of Western Siberia in the 17th – early 18th Century]. Tyumen: Tyumen State University.

27. Dunin-Gorkavich, A.A. (1995) *Tobol'skiy Sever: v 3 t.* [The Tobolsk North. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Liberia.
28. Turov, S.V. (ed.) (2004) *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraya v XIX – nachale XX veka: (materialy dlya istorii mestnykh soobshchestv Aziatskoy Rossii)* [Orthodox parishes of Berezovsky Region in the 19th – early 20th century. (Materials for the history of local communities of Asian Russia)]. Tyumen: Vektor Buk.
29. The Russian State Archive of Ancient Acts (RSARA). Fund 214. List 5. File 261.
30. Shvetsov, S.P. (1998) *Ocherki Surgutskogo kraya* [Essays of Surgut Region]. In: Roshchevskaya, L.P. & Beloborodov, V.K. (eds) *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka* [The Tobolsk North through the eyes of political exiles in the 19th – early 20th centuries]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo. pp. 35–111.
31. Zharebtsov, L.N. (1982) *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of Komi with neighboring peoples]. Moscow: Nauka.
32. Minenko, N.A. (1979) *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Russian peasant family in Western Siberia (18th – first half of the 19th century)]. Novosibirsk: Nauka.
33. Mamsik, T.S. (1989) *Khozyaystvennoe osvoenie Yuzhnoy Sibiri: mekhanizmy formirovaniya i funktsionirovaniya agropromyslovoy struktury* [Economic reclaiming of Southern Siberia: mechanisms of formation and functioning of agro-industrial structure]. Novosibirsk: Nauka.
34. The State Budgetary Institution of Tyumen Region, The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 154. List 21. File 1405.
35. Sharapov, V.E. (2003) *Simvolika derev'ev v pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti komi* [The symbolism of trees in the funeral and memorial rites of Komi]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv* [Ecology of Ancient and Modern Societies]. Vol. 2. Tyumen: SB RAS. pp. 263–268.
36. Patkanov, S.K. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Yu. Mandrika.
37. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 43. List 1. File 843.
38. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 16. List 1. File 236.
39. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 43. List 1. File 888.
40. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 25. List 1. File 1.

Сведения об авторе:

Туров Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Антропошколы Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: svtur57@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Turov Sergey V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of national history and International Politics, Senior Researcher at the Laboratory of Anthroposchool's Interdisciplinary Space Studies Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 05.07.2022